

С. С. Глаголев

**Больной целитель
профессор Сергей Сергеевич Глаголев**

(О Шлаттере).

Тогда если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там: не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, не верьте. Мф. 24. 23–2:6.

Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они: потому что много лжепророков появилось в мире. 1Ин. 4, 1.

Давно, давно в языческом мир люди провозгласили признаком истинной мудрости *nil admirari*. Удивление есть признак невежества или непонимания, мудрец должен все понимать, все предвидеть и, следовательно, быть ко всему готовым. Здесь нет места удивлению. Но если люди, желавшие прослыть мудрыми, издавна находили неловким обнаруживать свое удивление, то также издавна все постоянно стремились находить что-нибудь такое, чему должно бы было удивляться. Невероятное, необычное, чудесное всегда имело и имеет в глазах людей особую прелесть. К рассказам о чудесном, человеческое внимание всегда направляется точно также, как магнитная стрелка к полярной звезде. Это внимание жадно насторожилось несколько времени тому назад, когда в некоторых русских газетах появились статьи, сообщающие, что по ту сторону океана появился пророк и чудотворец, совершающий исцеления совершенно подобные тем, о которых нам повествует Евангелие, и, хотя оказалось, что чудотворец исчез ранее, чем о нем заговорили, о нем продолжают – правда, уже не так горячо и много – говорить и спорить и теперь. Светские люди заинтересовались странным чудотворцем и от богословов начали требовать, чтобы они высказали о нем свое мнение. Настоящая статья и представляет собою удовлетворение этого требования.

Две большие русские газеты посвятили две большие статьи американскому пророку. Прежде всего о нем заговорило «Новое Время». Парижский корреспондент газеты поместил в ней статью «Американский пророк»,¹ представляющую сокращение статьи Фино в «Revue des Revue»

– «Шлаттер – человек чудес. Вот, что Фино, а затем г. Носилов рассказывают нам об этом человеке. Шлаттер родился в Эльзасе в 1855 г., когда Эльзас принадлежал еще французам. Переселяясь в Америку, он занимался разными ремеслами до тех пор, пока, проснувшись однажды утром, не почувствовал себя святым человеком. Босой, с открытой головой, в странной одежде, с распущенными длинными волосами, с восторженным видом он пошел тогда в пустыни Америки, проповедуя любовь к Богу и мир душам. Он говорил про себя, что он простой (?) посланник неба. Его посадили в тюрьму. Арестанты сначала глумились над его проповедью, но видя, что он продолжает молиться и в тюрьме, как он это делал повсюду на своем пути, видя, что он исцелил некоторых из них, они пришли в недоумение. Он был освобожден. Тогда он направился прямо (?) в пустыни Техаса. Его странный костюм, длинные волосы, босые ноги во всякое время года, обнаженная голова, постоянная молитва на устах, сияющее лицо необыкновенно привлекали к нему народные толпы. Некоторые даже считали его за воскресшего (?) Илию. Но сам он, вечно скромный, более молчаливый, постоянно молящийся, не обижающийся даже на тех, кто его ругал, над ним глумился, никогда не говорил о себе, как о простом посланнике неба. Обращаясь к толпе, он только говорил ей: «слушайте и идите за мною». II за ним шли целые селения. К нему приходили слепые, хромые, уроды, глухие, паралитики и было достаточно одного его прикосновения, соединенного с призыванием к вере в Бога, как их болезнь мгновенно проходила или они получали видимое облегчение. Он говорил, что они исцеляются не им, а своей верой в Бога, и все зависит только от нее. Он был посажен в сумасшедший дом, откуда вышел окруженный еще большим величием и уважением. Проходя по селениям Калифорнии, он всюду привлекал к себе народ: к нему выносили больных, и он исцелял их, приводили детей, которых он благословлял. Несколько недель в одном местечке он пробыл в качестве простого пастуха, затем направился к индейским племенам; он возбудил энтузиазм и между ними, и толпы дикарей окружали его, стараясь по крайней мере прикоснуться к его одежде. В сентябре месяце 1895 г. он поселился в Дэнвере, одном из городов штата Колорадо. Старшина этого города Фокс, исцеленный Шлаттером от глухоты, предложил ему большую сумму денег, но тот отказался, тогда Фокс предложил ему гостеприимство, и Шлаттер поселился у него в небольшом домике, осчастливив тем хозяина и город. Здесь его слава достигла наибольшей высоты. Его квартира была решительно осаждена больными и желающими его видеть. Железные дороги не успевали подвозить желающих попасть в Денвер, гостиницы в

нем были переполнены, ежедневно к Шлаттеру приходило до 5000 человек. К нему собиралась бездна больных, глухих, уродов, паралитиков, чахоточных, слепых, и он исцелял их не только прикосновением своей руки, но даже одною перчаткой, которую передавал в толпу. На полу его комнаты были горы перчаток, которые потом раздавались толпе. Он говорил, что нет нужды ему прикасаться ко всякому желающему исцеления, все дело в вере, и достаточно одной перчатки, к которой он прикоснулся, для исцеления многих и что к перчатке он прибегал только для того, чтобы возбудить веру в неверующей толпе. Он исцелял от 3 до 5 тысяч в день. Слепые уходили от него зрячими, глухие слышали, сгорбленные распрямлялись, безногие вставали и шли, его слава разрасталась в нечто колоссальное, толпа превозносила его, насколько могла. Ему устраивали торжественные процессии, ему поклонялись, про него говорили, что он действительно посланник Бога. Он не брал ни денег, ни вознаграждения, ни подарков. «На что они мне, говорил он, когда ему протягивали деньги, разве я нуждаюсь в них, разве Отец небесный не дал бы мне все это, если бы было действительно нужно. Единственное богатство, это – вера, и я верю в Отца небесного всей моей искренней душой». Однажды, когда он был окружен громадной толпой, рассказывают, к нему приблизилась одна личность. «Уйди отсюда, вскричал он на нее, ты–убийца!» И личность в ужасе удалилась. И народ говорил, что он не хочет исцелять злых людей. Ему посылали бездну подарков, но он немедленно отправлял их обратно пославшим. Его бескорыстие засвидетельствовано всеми. Его осаждали репортеры американских газет, над ним наблюдали, и ни одна газета не могла сказать о нем, что он эксплуатирует, но все утверждали, что он исцеляет и делает настоящие чудеса одной своей верой, возбуждая ее в толпе.

В американских газетах приводятся бесчисленные сообщения об исцелениях, совершенных «святым человеком», сообщения по–видимому заслуживающих безусловного доверия очевидцев. По этим сообщениям слепота, глухота, все исчезало бесследно под рукой этого человека, все равно как простой мигрень под влиянием антипирина. Г-жа Сноок, страдая несколько месяцев раком, послала Шлаттеру перчатку и достаточно было после того прикоснуться к ней, чтобы болезнь прошла, инженер Нори был мгновенно вылечен от катаракты, один безногий (?) стал ходить на глазах этого чудотворца, инженер Штенторп – слепой стал видеть в один день, Диллон горбатый уже много лет выпрямился одним движением. Когда «святой человек» прикасается к больному, то его сначала пронизывает жаром. Пальцы неподвижные много лет (при

параличе) сразу приходят в движение, и какая-то необыкновенная легкость распространяется по всему телу и человека охватывает счастье и вера. Чудеса Шлаттера увеличивались по мере того, как увеличивалась вера в толпе. Казалось, для него действительно не было ничего невозможного. Некоторые уже провозгласили его за Христа. Толпа народа ждала от него какого-нибудь необыкновенного чуда, и Шлаттер, кажется, отуманенный такой славой, таким поклонением, решил доказать ей, что он посланник Бога. В одно утро он объявил собравшейся толпе, что он – Христос; что он послан с неба спасти современников. Он объявил, что будет поститься сорок суток. И пост действительно начался. Окруженный своими верными репортерами газет он начал пост, не престаивая в то же время непрерывно расточать исцеления всем, кто к нему обращался за помощью. Он молился, взывал к вере в Бога, говорил, что в ней вся сила, в ней одно спасение. Он благословлял толпу. И по мере того, как он худел, как глаза его вкатывались, делались страшными, толпа еще больше стремилась к нему, и многие уже начинали верить, что он действительно Христос, тем более, что его лицо, длинные волосы действительно напоминали собой изображение Спасителя. Пост продолжался действительно сорок дней, и когда по окончании их Шлаттер сел подкрепить свои упавшие силы, энтузиазм толпы, кажется, превзошел все раньше случившееся. Жадность, с которой он набросился на кушанья, даже вызывала в толпе боязнь за его здоровье. Когда публицист Мэк более привыкший к нему заметил ему – не будет ли ему это нездорово после поста, Шлаттер ответил ему: «имей веру. Отец, который позволил мне поститься сорок дней, не перестанет заботиться о своем сыне». Вскоре после этого Шлаттер исчез. Утром 14-го ноября, когда к Шлаттеру вошел давший ему помещение Фокс, он нашёл его комнату пустой. Шлаттер исчез в той самой одежде, в которой пришел, в которой его все видели. Все поиски были напрасны. От него осталась только коротенькая записка на английском языке следующего содержания: господин Фокс, моя миссия кончена. Отец меня зовет к себе. Приветствую Вас. Франциск Шлаттер. 13-ноября.

Дополнительные сведения к сообщенным в «Новом Времени» находим в «Московских Ведомостях». ² Редакция последней газеты, однако оговаривается, что печатаемое ею письмо получено еще в ноябре, но что сообщивший его в редакцию не желал воспользоваться им для печати ранее, чем в России заговорят об американском целителе. Статья в «Новом Времени» дала ему на это право. Относительно исчезновения Шлаттера, говорит автор письма из Америки, многие думают, что он покончил с

собой самоубийством, но многие – большинство – у нас думают, что он еще появится. Вы напрасно называете, продолжает автор, Шлаттера пророком. Он никогда ни о чем не пророчествовал и ничему не поучал; он вообще говорил очень мало, больше довольствуясь ответами на предлагаемые ему вопросы. Называйте его целителем, это будет верно. Исцелял он на глазах у тысяч народа тысячи больных. И не только просто больных временными недугами, но страдавших хроническими, многолетними болезнями и уродствами: глухих, слепых, хромых, горбатых. Он исцелял, не спрашивая ни о лицах, ни о болезнях, он брал за руку или клал руку на голову приходивших и молился; если больной был далеко, он молился над какой-либо вещью: над перчаткой его, над платком и возвращая их, возвращал вместе с ними и здоровье. Он исцелял всех (?) и везде. На вопрос – кто он и какую силою творит чудесные исцеления, он отвечал: «Франциск Шлаттер родом из Эльзаса; но во мне дух Божий, – он исцеляет и творит чудеса. Ваша вера и моя вера творят их, а не я! Все мы – дети одного Отца!» последние слова его любимое выражение. – «Как Вы это делаете»? спросил Шлаттера человек, которого он взял за руку и который почувствовал, что по всем членам его струится тепло, будто токи электричества пробегают по телу. – «Что, с всегдашней невозмутимой кротостью спросил Шлаттер – я только молюсь и верю, твердо зная, что исцеление придет. Впрочем, тут нет моей силы. Когда отец дает ее мне, я ее имею; когда не дает, я не буду ее иметь. Господь – податель всяческих, все зависит от Его даяний».

Автор письма, помещенного в «Московских Ведомостях», сам принадлежит к числу исцеленных Шлаттером. Прочитав в газетах в ряду других сообщений сообщение об исцелении Шлаттером застарелого ревматизма и сам страдая им, он решил попытать счастья и отправился в Денвер. «Подъезжая к городку, рассказывает он, я заметил необычайное движение в его окрестностях, а проехав его, попал в целую вереницу пешеходов, верховых и экипажей, стремившихся к коттеджу Фокса. Не доезжая далеко, я должен был выйти из повозки и следовать пешком, шаг за шагом, за толпой всех возрастов и общественных классов. Я шел, издали глядя на высокого человека с небольшою бородою и длинными волосами, падавшими ему на плечо. Лицо его было благообразно, взгляд спокоен и глубок; вся фигура дышала кротким, невозмутимым спокойствием, которого не нарушали ни возгласы изумления при облегчении страдальцев к нему прикасавшихся, ни их благодарственные и радостные крики и гомон, когда они, уступая места другим, удалялись восторженно, часто со слезами передавая друг другу свои ощущения». Одет Шлаттер был в

длинное, прямое, свободное платье, нечто в роде пальто застегнутого до низу большими пуговицами. Голова его была непокрыта и ноги необуты, ткань его поношенной одежды была слишком легкой. Держа на руках младенца, целитель устремил глаза на небо по-видимому совсем безучастно, хотя губы чуть-чуть шевелились, шепча слова молитвы. Раньше неумолчно кричавший младенец теперь умолкал, засыпая и по лицу его – по свидетельству близь стоявших – разливался, но всей вероятности давно не показывавшийся румянец. О своем исцелении автор рассказывает следующим образом... «Пришла и моя очередь... Я подошел с сильно бившимся сердцем, ничего не говоря, но безмолвно молясь, стараясь все помыслы свои сосредоточить на молитве и на твердом убеждении, что и мне будет явлена Божья помощь через этого избранного человека. И что же! Не прошло и минуты, как я почувствовал необыкновенный жар в больных членах, в руке и ноге, которые часто заставляли меня переносить тяжкие муки. Я ни с чем не могу сравнить это ощущение как с чувством будто бы проливаемых по всем жилам моим жизненных сил и здоровья... За минуту еще я совсем не имел силы в правой больной руке; теперь я отвечал на пожатие Шлаттера сильнее, чем сам он сжимал мои пальцы. Он сказал: я надеюсь, что боли вас больше не будут беспокоить. И точно: с тех пор ревматические страдания меня оставили». Каждым пациентом Шлаттер занимался не более двух-трех минут. Хотя были такие, которым он говорил: «возвращайтесь, сразу я не могу исцелить вас». Но большинство излечивалось от одного прикосновения. По временам он глубоко вздыхал; но уверял, что это не от усталости, что он напротив никогда не чувствует себя таким бодрым и полным сил, как после шести или и семичасовой работы. Хотя иногда ему и приходилось сильнее сосредоточивать волю. Это было заметно по глубокой складке, появлявшейся между бровей его, по дрожанию век его крепко закрытых глаз. «О если бы люди имели более доверия, если бы они имели более силы и упования!» говорил он тогда. «Вдвоем легче достигать благих результатов. Жаль, что вы не можете верить, сказал он одному пожилому человеку. Пока шли исцеления хозяин с двумя тремя друзьями отбирали у желающих предметы, до которых затем в течении вечера и ночи Шлаттер притрагивался с молитвой». Меня уверяли многие, говорит автор, что платки и перчатки, побывавшие в руках у него, имели такое же благотворное влияние на страдания человеческие, как и самое прикосновение его рук».

Автор передает разговор с Шлаттером слышанный им у Фокса, с которым автор был знаком. Стол был накрыт для ужина, в комнату вошел

и Шлаттер и сел с видом человека довольного денными трудами и возможностью отдохнуть, но отнюдь не особенно усталого... Его спросили – различает ли он различные недуги, которые исцеляет.

– Я знаю о них, когда больные сами их поминают, но необходимости в этом не имею. Мне все равно. Я взываю всеми помыслами, всею волей, всем желанием к помощи Вышнего – и получаю ее. Чем проще и сильнее вера больного, тем легче приходит исцеление... С некоторыми трудней... Не ко всем здоровье возвращается сразу... Над иными надо затрачивать много сил, но благодарение Отцу моему они быстро восстанавливаются.

Разговаривая он все время работал над перчатками и платками, которых едва ли было менее тысячи.

– Скажите, как эта сила целения пришла к вам?

– Не знаю. Я в одно утро молился. Кто-то подошел ко мне, прося помощи! Я пожелал горячо убежденный что по вере дается исцеление, и оно далось! С тех пор ко мне приходят, я молюсь, а молитвы мои дают недужным здоровье.

– Почему вы не обуваетесь и не покрываете головы?

– Не нахожу в этом нужды. Я здоров и не страдаю ни от холода, ни от жара.

– Вы не бываете никогда больны или печальны?

– Да, я был печален, когда меня заключили в тюрьму и не давали мне Библии... Я просидел почти полгода в тюрьме и чувствовал, что могу заболеть от этого лишения... Невозможность молиться была мне тяжелее телесного наказания.

– Не ужели вас били?.. Но за что же?

Шлаттер пожал плечами, кротко улыбаясь.

– Меня связали по рукам и ногам и дали пятьдесят ударов ремнем. Я потом опять был арестован в июне или июле 1891 г. в Техасе, в Строкмортоне, потому что меня приняли за бродягу. Я там сидел на лесной опушке, а народ из города повалил ко мне, потому что мне посчастливилось излечить двух или трех особ, которые пошли и рассказали об этом. Пришли полицейские и взяли меня. Там в остроге меня спросили, хочу ли я подвергнуться заключению или дам слово тотчас оставить город. Я обещался уйти и ушел.

– Какое было ваше самое замечательное исцеление?

– Право, не могу сказать, я никогда не замечал.

На вопрос, каковы его планы и куда он намерен отправиться из Дэнвера? Шлаттер отвечал, что планов никогда не имеет и составлять таковых не может: он не своею волею живет и действует.

– Я поступаю по воле Отца моего. Я здесь останусь и буду лечить народ, пока Он не укажет мне нового пути. Если буду направлен к востоку, пойду в Нью-Йорк, в Чикаго, мне безразлично... Думается мне, однако, что не останусь здесь более половины ноября... Надо будет несколько дней отдохнуть. Верного ничего не знаю».

Этот разговор происходил 28 сентября (Н. С.), а 14 ноября Шлаттер исчез бесследно.

Первый вопрос, который вызывают приведенные повествования, естественно заключается в том – насколько правдивы эти повествования? Уже в самих себе они носят явные следы того, что их авторы не только не думали о критическом отношении к предмету и о строгой точности сообщения, но напротив явно обнаруживают желание авторов, как можно более поразить читателей без заботы даже о внешнем правдоподобии рассказа. Так фельетонист «Нового времени», сообщив, что Шлаттер «говорил про себя, что он простой посланник неба», немногими строками ниже сообщает, что Шлаттер «никогда не говорил о себе, как о простом посланнике Бога». Автор статьи в «Московских Ведомостях» изображает Шлаттера святым чудотворцем, с этим изображением несколько не гармонирует его сообщение, что многие думают, что Шлаттер покончил самоубийством. Статья «Московских Ведомостей» вызывает еще и хронологическое недоумение. Редакция делает примечание, что статья (письмо) получена еще в ноябре. Как могла она быть получена так рано, когда она представляет собою ответ на вопрос, «куда девался Шлаттер и найдены ли следы его исчезновения». Шлаттер исчез 2-го ноября нашего стиля. Для того, чтобы частное сообщение восточных штатов достигло Москвы, письмо из Москвы по поводу этого сообщения достигло штатов, и ответ из штатов пришел в Москву, нужно гораздо более четырех недель. У автора статьи в «Московских Ведомостях» замечается стремление представить личность Шлаттера как можно более светлую, он говорит, что Шлаттер исцелял всех и везде, но из его же дальнейших слов видно, что он не только исцелял, но и обличал не всех. Автор умалчивает о том, что Шлаттер провозгласил себя Христом, провозглашение, которое и верующих и не верующих во Христа одинаково должно убедить в психической ненормальности Шлаттера. Между статьями «Нового Времени» и «Московских Ведомостей» замечается явное разногласие и во взгляде на личность Шлаттера и в описании и оценке его деятельности. «Новое Время» считает Шлаттера больным, «Московские Ведомости» – святым, – «Новое Время» говорит, что Шлаттер проповедовал любовь к Богу и мир душам и обращался к толпе с призывом: «слушайте и идите за

мною». «Московские Ведомости» говорят, что Шлаттер ни о чем не поучал; он вообще говорил очень мало. «Московские Ведомости» в чудесах Шлаттера видят действительные чудеса, „Новое Время» признает в них факт еще не объясненный, но объяснимый.

Если мы примем во внимание, что газетные статьи уже давно в качестве исторического и биографического материала признаются имеющими весьма малое значение, что газетные очевидцы, хотя бы именуемые американскими генералами и инженерами, только по-видимому, а не на самом деле заслуживают доверия, что чудеса, о которых нам говорят, отделены от нас уже довольно значительным временем, громадным пространством и что, наконец, они происходили в наименее культурных местах североамериканских соединенных штатов, то не должны ли мы прийти к заключению, что нам и не следует разбираться в газетных статьях об американском пророке, как не стараемся мы разбираться в перво-апрельских рассказах наших приятелей или в сообщениях периодической печати, носящих общее заглавие «смесь»? Такое заключение и дает один из органов нашей духовной печати – «Церковный Вестник».³ «Ломать голову над смутным и несомненно прикрашенным сообщением о полумифическом, хотя современном нам продукте Американской экстатической| религиозности, пресловутом Шлаттере, значит, говорит газета, пренебрегая фактами здорового церковно-исторического развития, увлекаться явлениями психопатическими, к области которых, несомненно, относится и вся эта история с американским «святым человеком». Чтобы понять историю Шлаттера, вовсе нет надобности ломать голову над этим явлением как чрезвычайно таинственным и загадочным: достаточно быть знакомым с характером американской религиозности в той сфере, в какой вращался и имел успех Шлаттер – в сфере именно бродячего, беспринципного, глубоко-невежественного, хотя и заносчивого сектантства, и это довольно заурядное, хотя и не часто принимающее такие размеры, явление будет совершенно понятно. Страна, где могла найти для себя богатую почву такая секта, как армия спасения, с ее болезненно-хлыстовскими приемами религиозного радения, конечно способна произвести, как она и действительно производила, не одного только Шлаттера, хотя и в разных видах индивидуального проявления.

Мы вполне согласны с тем, что Шлаттер вовсе не представляет собой такой крупной фигуры, на которой должно бы остановить исключительное внимание и относительно которой должны бы быть наводимы тщательные справки и производимы тщательные исследования. Имя Шлаттера

прейдет, как на пространстве веков прошло много подобных имен. Явятся новые Шлаттеры и их забудут, как уже начинают забывать первого исчезнувшего. Но вот, что представляется нам важным: каждый из таких Шлаттеров отвращает общество – хотя на минуту – от интересов минуты и направляет к вечным вопросам, которые, если не всегда ставятся громко, то всегда таятся в душе человека, вопросам религиозно–нравственного характера, для решения которых Шлаттеры и другие по–видимому представляют удобный материал. Три предположения возможны относительно чудес Шлаттера, как три предположения возможны и относительно его лица. Предположения относительно дел могут быть таковы: первое, естественнее всего подсказывающееся скептическим умам, что никаких таких дел на самом деле совершено не было, что сказания о них представляют чистую сказку; второе, что эти дела совершены были, но что они естественны, и что рано или поздно наука найдет ключ для их объяснения, наконец, третье, что дела Шлаттера суть действительно сверхъестественные чудеса. Каждое из этих предположений вызывает ряд серьезных религиозных недоумений. Если легенда о чудесах могла так легко возникнуть и разрастись в конце XIX века, то, конечно, скажут, она еще легче могла возникнуть и разрастись в конце 1-го и тогда чудеса нового завета и еще более чудеса ветхого завета получают очень простое объяснение. Далее, если чудеса Шлаттера суть действительно естественные дела, то по–видимому тоже должно предположить и о чудесах Евангелия и тогда остается ждать научных исследований, которые, выяснив естественный характер событий, должны найти впоследствии и их естественную причину. Наконец, если дела Шлаттера сверхъестественны, то как согласить с нашею верой в истинность православия то, что божественная сила действует через не православного? Таковы недоумения относительно дел Шлаттера. Его личность вызывает недоумения лишь постольку, поскольку она связана с его делами. Что он такое? Шарлатан подобный Калиостро, недавно явившейся в Париже Генристе Куеддон и многим другим морочащий людей ради личных целей? Большой, само обманутый и само обольщенный мистик, принимающий галлюцинации за откровения, психическая болезнь которого подсказывает ему несчастную мысль, что он может давать физическое здоровье другим? Наконец, может быть он действительно истинно святой, один из тех немногих, которых время от времени небо посылает на землю для ослабления зла и для утоления скорбей среди страждущего человечества? Все эти три предположения делались относительно него: его сажали в тюрьму, как мошенника, заключали в

психиатрическую лечебницу, как сумасшедшего, и окружали религиозным поклонением, как святого.

Правильный взгляд на его личность обуславливается правильным взглядом на его дела. Что должно думать о них? В прежнее время, когда люди науки отличались большею смелостью и самоуверенностью, чем теперь, сказания об этих делах были бы отвергнуты без исследования, как ребяческий вымысел. В прошедшем столетии парижская академия наук с фанатической нетерпимостью отвергла мысль о возможности падения камней с неба; но это не помешало камням падать, и теперь факты их падения – довольно уже хорошо изученные и объясненные – известны всякому школьнику. В 1840 году французская медицинская академия объявила ложными все факты так называемого животного магнетизма и отказалась принимать рассуждения и исследования о них, теперь мы видим в Париже целые клиники, занимающиеся исследованием того, что назад тому полстолетия было объявлено фикцией. В этих клиниках, больницах и институтах тщательно исследуются и явления подобные делам Шлаттера. Исторические справки показали, что подобные явления бывали и бывали неоднократно в прошедшем, а современное знание дает основание надеяться, что они будут более или менее удовлетворительно объяснены в будущем.

Еще у Шекспира в одной из его бессмертных трагедий⁴ мы встречаемся с чудотворцем подобным Шлаттеру. В одной из сцен Макбета, где Малькольм и Макдуф ведут разговор о несчастьи Шотландии, Малькольм, обратившись к внезапно вошедшему врачу, спрашивает:

– Скажите, состоится сегодня выход короля?

Врач. Непременно состоится. Его ждет громадная толпа несчастных. Наше искусство бессильно против их болезни, но он врачует ее только одним прикосновением. Такую святую власть даровало его руке само небо.

Малькольм. Благодарю вас (врач уходит).

Макдуф. О какой болезни говорит он?

Малькольм. Она не имеет особого имени, ее просто зовут королевскою немочью. В этом отношении он просто творит чудеса, и я со времени своего приезда сюда видел их не раз. Как, вследствие каких молитв ниспослан ему этот дар, известно только ему одному, но людей, страдающих ужасным недугом, обезображенных нарывами и язвами так, что на них страшно смотреть, а лечить отказываются все врачи, он исцеляет только своим прикосновением, чтением молитв и возложением на шею больному золотой монеты. Говорят, что эта целебная способность

перейдет к его потомкам и прямым наследникам престола. Кроме этой способности он наделен еще многими другими, как, например, даром пророчества, что ясно показывает, насколько он исполнен небесной благодати.

Полагают, что это место трагедии внушено Шекспиру хроникой Голиншеда, именно тем местом ее, в котором говорится об Эдуарде Исповеднике: «он имел дар пророчества, а также дар исцеления недугов и убожества. Он имел обычай помогать страдавшим так называемую королевскую немочью и оставил эту способность, как часть наследия, своим потомкам – английским королям».

Но Эдуард Исповедник отделен от нас периодом времени во много столетий, слова хроники Голиншеда слишком глухи, а отзвук этих слов у поэта слишком ненадежен, чтобы на всем этом можно было опереться. К счастью история сохранила нам довольно подробные сведения о некоторых позднейших целителях, в способности которых производить исцеления как они сами, так и их современники усматривали особый дар Божий. В ряду таких целителей особенно отмечают Грэтрэкса в XVII веке и Гасснера в XVIII столетии.⁵

Грэтрэкс, ирландский дворянин, проведенный юность в военной службе, получил по его собственным словам в 1642 году откровение, что он обладает способностью лечить золотуху. Будучи человеком скромным, он был смущен этим откровением, однако, повинувшись ему, он решил прикоснуться к некоторым золотушным и исцелил их. Спустя некоторое время после этого там, где он жил, разразилась эпидемическая лихорадка. Грэтрэксу снова было откровение, что он может лечить и эту болезнь, он снова попытал свои силы и опять не без успеха. После этого одно откровение быстро следовало за другим. Въ апреле 1665 года внутренний голос ему возвестил, что он владеет способностью исцелять раны, нарывы, водянку, конвульсии и пр. Успехи Грэтрэкса возбудили против него духовенство, которое воспретило ему лечить, однако уже поздно, так как слава о нем распространилась по всему королевству. Во всех областях, через которые он проходил, магистраты городов и бургов выходили к нему на встречу, прося его прикоснуться к больным в их доме. Прикосновение было единственным способом его леченья. «Наложением своей руки (свидетельствует один весьма почтенный очевидец, ученый епископ Жорж Рэст) он удалял боль, прогоняя ее в конечности. Действие иногда было очень быстрым, и я видел, как некоторые лица были исцелены словно волшебством. Эти исцеления не давали мне повода думать, что в них было что-нибудь сверхъестественное. Не думал этого и он, и его способ

исцелять доказывает, что здесь не было ни чуда, ни Божественного действия. По-видимому из его тела исходило боле утолительное и целебное влияние. Многие болезни уступали только повторительным прикосновениям, некоторые и вовсе, но поддавались его стараниям. Грэтрэкс думает, что способность, которой он обладает, есть дар Божий. Он иногда сам удивляется своей силе и доходит даже до того, что сомневается – не иллюзия ли все это. Однако в убеждении, что Бог явил к нему особую милость, он всецело посвятил себя заботам об облегчении больных». Два другие современника – знаменитые врачи, Фэрклоу и Эстелий, засвидетельствовали тоже самое. «Я видел, говорит Эстелий, одного ребенка, настолько покрытого золотушными опухолями, что он не мог сделать никакого движения: Грэтрэкс устранил большую часть этих опухолей простым наложением руки; наиболее значительные он открыл ланцетом и исцелил раны прикосновением, иногда обмачивая их своей слюной». Все свидетели сходятся в признании кротости, смирения, человеколюбия и совершенного безкорыстия Грэтрэкса.

Другой знаменитый исцелитель Гасснер (католический священник в Клэстерли, 1727–1799) поставил себе задачей изгонять из больных беса. Медицина доброго старого времени делила болезни по их происхождению на бесовские и естественные. Гасснер на основании личного опыта пришел к заключению, что большая часть болезней порождается и поддерживается злым духом и потому дело исцеления сводил к изгнанию из больных беса. Прежде всего нужно было открыть в больном бесовское присутствие, вследствие лукавства злого духа это иногда оказывалось затруднительным, тогда со всей силой одушевлявшей его веры Гасснер приказывал бесу обнаружить болезнь самыми жестокими припадками, и когда бес обнаруживал себя, Гасснер его изгонял. Успех заклинаний Гасснера и его слава были очень велики. Замечательнейшим его делом считается исцеление девятнадцатилетней Эмилии, дочери придворного офицера одного немецкого князя. Эмилия одно время страдала жестокими истерическими конвульсиями, которые повторялись по нескольку раз в день и длились иногда по несколько часов. Один страсбургский врач вылечил Эмилию, но Гасснер уверил ее, что бес в ней только притворяется, и доказал это на предварительном испытании. Окончательное изгнание беса Гасснер произвел публично, в присутствии двадцати избранных лиц, удостоверивших своею подписью то, что совершилось. Среди свидетелей были придворный хирург и профессор математики вюрцбургского университета. Гасснер обратился к Эмилии с увещанием, чтобы она положила на Иисуса Христа, могущество

Которого преодолет силу дьявола и будет единственной причиной ее совершенного выздоровления. После этого он посадил ее на стул и обратился к ней с заклинаниями, главнейшие из которых суть следующие:

Præcipio tibi in nomine Iesu, ut minister Christi et Ecclesiae, veniat agitatio brachiorum quam antecederet habuisti: у Эмилии затряслись руки.

Cesset paroxysmus, вдруг она поднялась с места и казалась веселой и здоровой.

Paroxysmus veniat iterum vehementius, ut ante fuit, et quidem per totum corpus; припадок начался снова. Хирург освидетельствовал пульс Эмилии и нашел его ускоренным и перемежающимся. Ноги поднялись выше стола; руки и пальцы окоченели; все их мускулы и сухожилия натянулись так, что двое сильных мужчин оказались неспособными согнуть рук и уверяли, что легче их сломать, чем согнуть. Глаза были открыты, но закачены и голова казалась такой тяжелой, что ее нельзя было сдвинуть, не сдвинув всего тела. Заклинатель продолжал:

Cesset paroxysmus in momento. Эмилия снова немедленно стала здоровой и веселой.

Paroxysmus sit in ore, in oculis, in fronte; она упала навзничь, конвульсии исказили губы, движения ее глаз внушали страх. *Cesset* снова привело ее в прежнее положение.

Paroxysmus afficiat nares; нос вздернулся, ноздри раздулись, рот скривился и остался некоторое время в этом положении.

Sit quasi mortua; лицо сделалось мертвенно бледным, рот страшно раскрылся, нос вытянулся, закаченные глаза смотрели, но ничего не видели; послышалось хрипение; голова и шея как будто пристали к стулу, на котором сидела Эмилия так, что самые сильные мужчины не могли сдвинуть их; пульс был так слаб, что хирург его едва ощупал.

Modo iterum ad se redeat, ad statum suum; тотчас же чувства к ней возвратились, и она стала улыбаться.

Pulsus adsit ordinarius, sit modo lenis, sit intermittens; и пульс подвергся всем этим изменениям. Профессор математики пожелал, чтобы пульс стал перемежающимся после второго удара, затем после третьего, наконец, чтобы в нем были перебои (*sit capricans*); хирург удостоверил, что произошло по слову Гасснера. Тот же профессор попросил заклинателя заставить вздуться мускул *masseter*. Гасснер, не знавший этого слова, произнес *messater*. Когда ему указали на ошибку, он повторил приказание правильно: *inflctur musculus masseter*. Хирург заметил вздутие на левой стороне челюсти, но профессор ничего не заметил на правой. Виноватым, однако оказался не бес, доказавший в этом случае, что знанием латыни

может поспорить с кем угодно. Профессору указали, что слово, произнесенное в единственном числе может относиться только к одному мускулу: поэтому бес был прав. Как только Гасснер произнес: *inflentur musculi masseters*, немедленно обнаружилось движение на обеих сторонах лица. Затем Гасснер вызвал апоплексию языка и всей левой стороны, потом всего тела и т. д. Все эти припадки прекращались по слову *cesset*.

После этих испытаний Гасснер приступил к исцеляющим заклинаниям. Он дал Эмилии несколько наставлений относительно того, как ей на будущее время исцелять себя, так как он обладал способностью сообщать этот дар больным. Чтобы закончить лечение, он спросил больную – не может ли она пожаловаться еще на какую-либо болезнь? Эмилия отвечала, что ее одно время мучил кашель. Гасснер вызвал кашель и затем его устранил. Для окончательного изгнания он повторил исцеляющее заклинание. Наконец, он оставил больную, заявив всем присутствующим, что все, что произошло, произошло по могуществу Божьему и служит для подтверждения Евангельской истины. Гасснер обращался к Эмилии по латыни, она знала этот язык недурно.

Въ новейшее время чудеса в католическом мире связываются с именем Бернадетты лурдской^б (1844–1878). Ей в 1858 году было видение в пещере близ Лурда, там затем открылся источник, который признали чудодейственным, начались исцеления продолжающиеся и доселе, теперь туда ежегодно паломничают от 200 до 300 тысяч человек и из больных, говорят, исцеляются до 10 %

Въ виду всего вышеизложенного нет возможности отрицать факты мгновенного или скорого исцеления от трудно излечимых или совсем неизлечимых болезней, причем единственными исцеляющими средствами являются прикосновение или слово. Разумный анализ этих фактов, нам кажется, должен привести к таким выводам: 1) что многие из них не могут быть признаны чудесами; 2) что они не дают оснований для отрицания чудес вообще.

Усвоив издавна некоторым событиям названия чудес, люди хотели этим показать, что эти события чудны, необычны, неестественны! Естественные события суть те, которые являются необходимым следствием предшествовавших им условий. Мы можем не знать, как известный факт связывается с произведшими его причинами и даже, каковы эти причины, но мы твердо убеждены, что таковые причины существуют, и потому называем факт естественным. Мы смутно догадываемся о причинах града или зодиаального света, но мы нисколько не сомневаемся, что эти причины могут быть найдены. Необъясненные явления мы не называем

чудесами, мы только ждем их объяснения. Но кроме явлений необъясненных мы допускаем еще существование явлений не объяснимых, таких, которые нельзя представить, как необходимое следствие предшествовавших условий, этот круг явлений носит имя чудес. Допущение их возможности опирается на веру в существование Творца и на веру в существование свободы у созданных тварей. В всемогущем Творце мы видим достаточную причину для произведения чудес, в свободе конечных тварей – побуждение для их совершения. Конечно–разумные существа в своем выборе склоняются и на право, и на лево, т. е. на сторону добра и на сторону зла, и раз они допускают зло, они оказываются не в силах уничтожить его собственными средствами. Зло, раз явившись, разрастается само собою, как само собою разрастается пламя пожара, как разрастается дурная трава и как сами собою усиливаются эпидемии. Наблюдая и на своем собственном сердце, и на общественных отношениях и на целой природе, как умножается и растет зло, человечество издавна верило, что это зло, не смотря на свою способность к саморазвитию и саморазмножению, бессильно в борьбе с Божественным Промыслом. Одним из чрезвычайных орудий этого Промысла человечество всегда считало чудеса, которые ослабляют и уничтожают зло, утверждают добро и ведут людей к добру. С своей внешней стороны чудеса крайне различны. Одни из них крайне поражают, представляя собою осуществление слов чудотворца без всякого участия посредствующих причин. Таковы чудеса Господа Иисуса Христа (сотворение брения при исцелении слепорожденного, понятно, имело символическое, а не терапевтическое значение. Ин. IX, 6–7). В других чудесах как бы участвует естественный элемент. Таково действие ветра при осушении Чермного моря (Исх. XIV, 21). Вследствие этого взору человека одни чудеса представляются, так сказать, более чудесными, другие менее чудесными, а некоторые по своему внешнему виду таковы, что человек не видит различия между ними и естественными явлениями и готов их отнести к разряду последних. Дело в том, что человек плохо знает природу вещей и далеко не может определить, где лежит граница, отделяющая необъясненное от необъяснимого, граница, отделяющая «ignoramus» от «ignorabimus». Вследствие этого не редко фокус принимался за чудо и чудо объявлялось фокусом. Некоторые могут задуматься над вопросом о том, почему Провидение оставляет людей как бы в беспомощном состоянии, предоставляя им собственными силами решать – чудеса ли дела, совершаемые теми или иными лицами или, нет. Ответ на это дан девятнадцать веков тому назад человечеству. Он дан в тех священных

словах, которые мы привели в начале статьи, он дан в словах св. Павла: «если бы мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8). Важно не то, что совершает Шлаттер, а чему он учит, и какие бы великие чудеса и знамения он не совершил, но если он объявил, что он – Христос, то не за ним нужно следовать, а его нужно вести в больницу. Как *argumenta veritatis*, чудеса сами по себе не должны иметь большого значения. В плане божественного мироправления главное назначение чудес заключается не в том, чтобы убеждать людей в истине, а в том, чтобы вести их к добру. Ненадежна и неценна та вера, которая возникает вследствие того, что поражено воображение, но ценна только та вера, которая возникает в начавшем очищаться сердце человека. Господь Иисус Христос отказывал в знамении просившим знамения. Говорят, что Он все-таки обещал и дал знамение пророка Ионы. Рассуждающие так не обращают внимания на контекст евангельского рассказа (см. Лук. XI, 29–32), в котором сравнивается проповедь Ионы и проповедь Христа и покаяние ниневитян с нераскаянностью иудеев, но вовсе не говорится, что знамение Ионы для ниневитян состояло в трехдневном пребывании пророка во чреве кита, о каком-либо пребывании ниневитяне могли и не знать (см. Ион. 1, 2 и III, 2 и 4). Чудеса не действуют на ожесточенные сердца. Фараон был раздражен и озлоблен чудесами Моисея (Исх. VII–XIV), но не убежден ими. Ахаз отказался принять знамение, которое ему предлагал пророк (Исаии VII). О евреях позднейшего времени Авраам в притче Господа засвидетельствовал: «если Моисея и пророков не слушают; то если бы кто и из мертвых воскрес, по поверят» (Лук. XVI, 31). Насколько неустойчиво и скоропреходяще впечатление, производимое на народ чудесами, мы можем видеть из истории св. Павла. Павлу и Варнаве, исцелившим хромого в Листре, жители хотели принести жертву, как богам. Т убедил их не делать этого. И немного погодя, мы видим, те же жители «побили Павла камнями, и выгнали за город, почитая его умершим» (Деян. XIV, 8–19). Если чудеса не обращают сердца ожесточенные, то, наоборот, сердца, начавшие смягчаться ищут евангельской правды, а не чудес. Успех проповеди св. Павла зависел не от чудес, но от того, что в его проповеди открывались явления духа и силы (1Кор. II, 4; ср. 2Кор. XII, 9). Сверхъестественные дела являются, так сказать, естественным признаком святости (Мк. XVI, 17–18), они открывают, что ход мировой жизни может идти и не по тому пути, по которому идет ныне, и может управляться более совершенными законами, чем те, которыми управляется теперь. Они утверждают верующих в надежде, что некогда явятся новое небо и новая

земля (2Пет. III, 13) и произойдет совершенное торжество правды.

Но Писание строго заповедует нам, чтобы мы остерегались доверять внешней поразительности события, и чтобы мы не спешили усваивать признак посланничества с неба тем, кто производит эти события. Ианпий и Иамврий превратили свои жезлы в змей и, однако они не были посланниками Божьими (Исх. VII, 11–12 и 2Тим. III, 8). На предыдущих страницах мы указали на несколько лиц, о которых засвидетельствовано, что они обладали способностью исцелений, многие, однако – даже и в давно прошедшее время – усматривали в их делах не чудеса, а результат особого полученного ими дара или – точнее присущей им способности. Современная наука, если еще и не выяснила свойств этой способности и причин исцелений, то во всяком случае установила их естественный характер и нашла правильный метод для их исследования. Современная наука с несомненностью установила два положения: 1) что дух может иметь очень сильное влияние на тело; 2) что дух одного человека может непосредственно и сильно влиять на дух другого человека. Разъясним эти положения. Мы знаем, что дух влияет на тело. Я решаю поднять палец на правой руке и поднимаю его. Я не знаю, как это делается, но я знаю, что это делается по *моей воле*. В обычных случаях сфера влияния духа на дело имеет довольно определенные и далеко неширокие границы. Только сокращение и расширение поперечно-полосатых мускулов зависит от воли человека, гладкие мускулы (*arrectores pili*) не подчиняются нашей воле, отправления желудка, усвоение питательных веществ, кровообращение, все это происходит в нас, но независимо от нас. У нас есть мышцы (ушные, на лбу), который не подчиняются нашей воле, но у животных находятся в их свободном распоряжении. При болезнях сфера влияния духа на тело еще более ограничивается: отмороженный палец не действует, пораженная параличом сторона тела остается неподвижной. Все болезненные новообразования (нарывы, опухоли) находятся совершенно вне нашей власти. Точно также человек не может противодействовать волею разрушению тканой и органов, происходящему в его организме. Все это в обычных случаях. Но α) сфера и сила влияния духа на тело может быть значительно увеличена упражнением, β) у некоторых лиц она постоянно далеко переходит обычные пределы, а у некоторых она переходит эти пределы при каких-нибудь исключительных условиях. Воля человека тогда оказывается в состоянии и возбуждать и прекращать некоторые значительные болезненные процессы в теле и управлять в организме тем, что обычно ей не подчинено. Во имя каких-либо оснований паралитик приходит к убеждению, что он может

своей больною рукою действовать так же, как здоровой, и он начинает действовать ею, сила его убежденной воли двигает его рукою точно так же, как сила той же воли поднимает мой палец. Различие здесь в размерах влияния воли, но не в сущности дела. Мы не знаем истинных границ влияния духа на тело, но современная медицина хорошо знает, что обычные границы могут быть далеко переступаемы.

Другой основной факт, который должен быть положен в основу суждений об исцелениях прикосновением и словом, состоит в том, что дух одного человека может непосредственно влиять на дух другого: свою настроенность и убежденность человек может передавать другому без слов или посредством слов самих в себе не заключающих никакой силы. Все мы читали про отгадывателей мыслей, не все из этих отгадывателей шарлатаны. Их тонкая организация отпечатлевает на себе наше душевное состояние точно так же, как на фотографической пластинке отпечатлеваются черты нашего лица, и они говорят нам то, что мы думаем. Не всякий человек в одинаковой мере способен влиять силою своего духа на дух другого, одни в этом отношении являются очень могущественными, другие, напротив, совершенно бессильными, точно также дух не всякого человека способен к восприимчивости или порабощению, особенно способны подчиняться люди больные, страдающие истерией. На этих началах утверждается современная гипнотерапия, лечение внушением и гипнотизмом. Паралитика убеждают, что он здоров, и это убеждение возвращает ему здоровье. Во многих случаях, где корень болезни кроется в нервах, гипнотизм и внушение с успехом могут приходить на помощь. Для иллюстрации мы приведем один из случаев подобных исцелений из практики Брэда – отца современного учения о гипнотизме. 19 июня 1854 г., говорит Брэд, обратилась ко мне за помощью мисс R.⁷ За год перед этим она страдала воспалением глаз, заставившим ее в течение месяца оставаться в комнате. Впоследствии она получила повреждение левой стороны головы вследствие падения на нее бревна; спустя два дня после этого обнаружились сильные боли на соответствующем месте, и она вдруг ослепла на левый глаз при расширении зрачка. Благодаря врачебной помощи в течение четырех месяцев, зрение отчасти восстановилось. В начале января 1854 г. она вдруг во время чтения ослепла на другой глаз точно также при расширении зрачка. Спустя немного дней, она нагнулась у камина и, вставая, ударилась о карниз камина тем же местом головы, которое было раньше повреждено, после чего левый глаз вновь ослеп так, что она потеряла зрение на оба глаза. Тогда она была отправлена своим домашним врачом к знаменитому глазному врачу сэру Уильду в Дублине,

вследствие помощи которого ее состояние снова на столько улучшилось, что зрачок начал реагировать и она могла различать большие предметы, но не была способна ни читать, ни писать. Она возвратилась домой, но так как улучшение остановилось, то просили меня испытать на ней действие гипнотизма. При исследовании глаза я не мог открыть физической причины расстройства зрения, и кроме того не было более ни в глазу, ни в голове. Глаза высматривали на подобие того, как бывает при начинающейся темной воде, только зрачки не были расширены так сильно. Так как я думал, что следует искать причины ослабления зрения в пониженной чувствительности сетчатки, то я надеялся на быстрый успех от гипнотического лечения. Но чтобы иметь возможность судить об его действии, я положил перед ее глазами страницу самой крупной печати, какая у меня была, и оказалось, что она не была в состоянии читать печать, буквы которой доходили длиной до четверти дюйма. Загипнотизировав больную, я старался направить деятельность нервной системы на глаза приведением в движение воздуха над ними и легким к ним прикосновением и в тоже время этим обратить внимание больной на глаза. Когда я ее разбудил по истечении десяти минут и показал ей ту же самую печать, то она тотчас же с изумлением и величайшей радостью воскликнула: я вижу слово «торговля» и в тоже время указала на него. Я уверил ее, что она скоро будет видеть еще лучше и после короткой паузы она воскликнула: «я вижу «касающийся торговли»;⁸ потом я вижу: «лексикон», и вскоре затем: «я вижу «Мак Эйлох» (имя автора). Хотя она и не была в состоянии тотчас же видеть больше, но по прошествии нескольких минут могла прочесть «Лондон, Лонгмен Грин и Лонгменс». Таков был результат первого сеанса. На следующий день после второго сеанса она могла по пробуждении прочитать весь заглавный лист брошюры, а еще пять минут спустя, две строки текста. После второго сеанса в тот же день она по пробуждении читала мелкую печать «приложение» и могла в тот же вечер в первый раз по прошествии года написать домой письмо, в котором говорила о своих успехах. После того как она была загипнотизирована еще два раза, она была в состоянии читать мельчайшую газетную печать. Она оставила меня совершенно оправившейся и с тех пор оставалась здоровой». Подобно тому как слепоту, Брэд исцелял контрактуры (руки, шеи, ноги), параличи, глухоту и немоту. Подобным образом излечивают все это и в настоящее время, хотя заметим, что сообщения обо всем этом врачей и клиник, если и не заслуживают такого скептического отношения, как рассказы очевидцев из толпы, то во всяком случае далеко не всегда и не вполне отражают в себе

правду.

Кроме взаимодействия души и тела и влияния духа одного человека на дух другого должно признать еще влияние духа одного человека на тело другого. Основанием для этого признания являются исцеления детей (напр., выше приведенные исцеления: Грэтрэкса, Шлаттера по сообщению корреспондента «Московских Ведомостей»), дети не могут себе сознательно усвоить убеждение, что их болезнь исцелится, но принимая во внимание, что человек живет не только сознательной, но и бессознательной духовной жизнью, можно допустить, что и в таких случаях внушение целителя усваивается бессознательно духом ребенка, и дух его бессознательно исцеляет тело. Подобным же образом можно объяснять исцеления в тех случаях, когда существуют серьезные сомнения в том, чтобы исцеляемый разделял убеждения и доверял исцеляющему (подобное, нам кажется, имело место при исцелении в Москве от сикоза г-на Д.).

Как объяснить те основные факты, из которых все эти явления выводятся, как неизбежные следствия? Нескоро, конечно, эта темная область озарится ярким светом. Но из того, что она темна и не объяснена, не следует, что она и необъяснима. Психофизиологические исследования и некоторые аналогии в мире физическом уже в настоящее время дают нам некоторый материал для таковых объяснений. В настоящее время некоторыми мыслителями по вопросу о взаимоотношении души и тела развивается учение, представляющее собою крайность противоположную материалистической теории шестидесятых годов. Тогда говорили: душа есть функция тела, она относится к телу, как гармония к лире, разламывается лира, исчезает и гармония; как печень производит желчь и мочу выделяют почки, так и мозг выделяет мысль, без фосфора нет мысли. Теперь говорят: тело есть функция души, оно создается разумом, как паутина пауком. По этой теории тело есть внешнее выражение внутренней духовной жизни, последняя отражается в нем, как в зеркале отражается находящийся перед ним образ, тело говорит о жизни души точно так же, как ртуть в термометре говорит о температуре окружающей среды. Значит, перестает болеть дух, перестает болеть и тело, сила воли лепит из тела все, что ей угодно, как рука скульптора лепит все, что ей угодно, из глины. Эта теория представляет собою крайний спиритуализм. Между крайним спиритуализмом и материализмом находится теория, имеющая для себя несомненную фактическую основу, полного параллелизма душевных и телесных явлений. По этой теории каждому состоянию духа соответствует определенное состояние тела и наоборот, каждое изменение

в душе влечет за собой изменение в состоянии тела и изменение в состоянии тела влечет за собой изменение в душе. Все, происходящее в теле, доводится до сведения души, и на каждый атом тела душа может иметь влияние. Душа может не сознавать впечатлений, получаемых от тела и бессознательно, влияет на тело, как по только что изложенной теории она бессознательно создаст тело. Въ XVII столетии это незнание душою того, как она действует на тело, подало повод к развитию учения отрицающего связь души с телом, ибо «quod nescis, quomodo Facias, non Facis». Но и материальные атомы бессознательно притягивают и отталкивают другие атомы, и связь материи с материей так же мало понятна, как и связь материи с духом. Дело в том, что содержание нашего «я» гораздо обширнее того, сколько мы о себе знаем, сфера сознательных явлений душевной жизни несравненно уже всей душевной жизни человека, у нас есть бессознательное мышление, процессы которого ускользают от нашего внимания, а выводы являются, как внезапное озарение, у нас есть бессознательная воля, проявление которой нас поражает, а сущность которой остается от нас скрытой. Бессознательным и могучим образом воля может влиять на тело и поразительные результаты этого влияния представляются чудесами, но они – чудеса лишь постольку, поскольку психология не изучала и не исследовала душевных сил человека и поскольку физиология, доселе еще плохо выяснившая истину «nemo physiologus nisi psychologus», не определила влияния душевной жизни на физиологические процессы.

Факт непосредственного влияния одного духа на другой находит себе аналогии в физическом мире. Еще в 1831 г. Фарадей открыл существование индуктивных токов, открыл, что если по проволоке идет гальванический ток и мы к этой проволоке быстро приблизим или от нее быстро отодвинем другую проволоку, то в этой последней тоже явится электрический ток: обратный току первой проволоки при приближении и тождественный при удалении. Далее было выяснено, что если мы в катушку, на которой намотана изолированная проволока, вдвинем магнит или выдвинем из катушки, то в проволоке появится ток. Тот факт, что магнит при приближении его к куску железа или стали возбуждает магнетизм в последнем, был известен уже давно. Во всех этих случаях мы видим влияние одного вещества на другое непосредственное, без прикосновения первого ко второму при существовании разделяющих их по-видимому непроницаемых преград (стекла, лакированного шёлка). Существуют гипотезы, объясняющие это взаимодействие. Когда возбуждается ток в проволоке, то движение тока возбуждает в

окружающей среде особое сотрясение (волнообразные вибрации) невесомого мирового эфира, это сотрясение эфира передается другой проволоке и приводит в ней эфир в то колебательное состояние, которое обнаруживается, как электрический ток. Этой гипотезой пытаются объяснить и взаимодействие душ. Всякому психическому состоянию соответствует известное состояние нервов и, наоборот, каждое изменение в состоянии нервов вызывает изменение в психическом состоянии. Движение мирового эфира в нервах сообщается окружающей среде, достигает нервной системы другого лица и через нервы возбуждает во втором лице психическое состояние подобное тому, в котором находится первое. Между явлениями психическими и электрическими проводят аналогию в подробностях: исследуют условия явлений электрической индукции (свойства индуктирующих и индукционных проволок), условия образования прямых и обратных токов, размеры электрического поля, значение проводящей среды и находят полное подобие всему этому в явлениях душевных, в явлениях подражания (заразительность зевоты), отгадывания мыслей, внушения и исцеления. Нам нет нужды оценивать эту гипотезу электрических и психических взаимодействий. Думаем, что она окажется неверной в приложении к электричеству, и можем отметить, что она не приложима безусловно ко многим психическим фактам, наприм. телепатии; лицо, живущее в Вене, испытывает тяжелое душевное состояние вследствие каких-нибудь происшедших с ним тяжелых обстоятельств, в тоже время близкое к нему лицо, живущее в Лондоне, испытывает такое же душевное состояние беспричинно. Мировой эфир в этом случае не мог иметь значения передаточной почты. Но мы не можем отрицать аналогии между явлениями электрической индукции и психического взаимодействия и, признавая естественность и законосообразность в первых явлениях, должны предполагать такие же свойства и у вторых.

Многие, однако думают, что усиленным влиянием духа на тело и взаимодействием душ нельзя объяснить всех фактов исцеления, о которых свидетельствует прошедшее и о которых говорят в настоящем. Предполагают, что некоторым людям присуща особая сила, которой они воздействуют на других и сообщают другим исцеления. Впервые это положение высказал в прошедшем столетии Месснер. Въ настоящее время ревностным сторонником теории особой силы, которой усвоено имя лучистой нервной силы, является Барети. Нужно признать, что эта теория хорошо соглашается с некоторыми фактами исцелений. Выше мы привели свидетельства о Грэтэрксе и Шлаттере, что от них на исцеляемых как бы

исходила успокаивающая, болеутоляющая и исцеляющая сила. Больных охватывал жар, у них появлялась испарина и после этого являлись успокоение и выздоровление. Кто знает – может быть в недалеком будущем наука откроет новую физиологическую силу, как она теперь работает над выяснением свойств новооткрытой физической силы? В декабре прошедшего года Рентген опубликовал об открытии им лучей, которые делают видимым невидимое. Исследования Лепара, Лебона и многих второстепенных ученых расширили это открытие. Они показали, что в природе существует какая-то сила, обладающая отчасти свойствами света, отчасти электричества, но не тождественная ни с электричеством, ни с светом, сила, действие которой по-видимому не могут приостановить никакие преграды и физические и физиологические применения которой, судя по всему, должны быть очень разнообразными. Лучи Рентгена⁹ случайно получили терапевтическое применение. Оказалось, что они обладают свойством оживлять обмерших (опыты с утопленными мышами). Выражение, что открыта или открывается новая сила, требует некоторого разъяснения. Физика признает существование лишь единой силы, различными проявлениями или модификациями которой являются магнетизм, тепло, электричество и новые модификации которой, обладающие доселе еще неизвестными нам свойствами, могут быть открываемы. Точно также физиологические силы не должны быть разграничиваемы от сверх физических. Электрическая сила ската или угря, являясь следствием метаморфозы у них некоторых мышц, есть простая физическая сила. То же самое должно сказать о недавно открытом магнетизме и электричестве некоторых растений. В лучистой нервной силе, если она действительно присуща некоторым людям, тоже нет нужды видеть, что-то особое, исключительное, чему ничто не соответствует в физической природе. Может быть эта сила представляет собою нечто подобное электрической, и если электричество успешно излечивает некоторые болезни, то эта сила может быть исцеляет несравненно большее их число.

При изучении явлений гипнотизма и внушения исследователи употребляли магнит. Оказалось, что на некоторых субъектов магнит производит чрезвычайно своеобразное действие: прикосновение его уничтожало вызванные воспоминания, парализовало воздействие на субъекта звуков и предметов, которые обыкновенно повергали его в каталептическое состояние, изменяло у загипнотизированных содержание галлюцинаций, производило так называемый перенос действий (субъекту внушено произвести какое-либо действие правой рукой, по

прикосновении к нему магнита он совершает это действие левой). Если такая могучая сила может быть присуща небольшому куску железа, то конечно несравненно большая сила может оказаться у человека. Эти силы невидимы и неосязаемы, они узнаются только, по результатам. Интересно, что не только приходится допустить, что людям могут быть присущи необычные силы, но что им могут быть присущи и необычные чувства. Открытие Рентгена заставило навести некоторые любопытные справки. Припомнили, что в сороковых годах истекающего столетия некто медик Рейхенбах собирал факты необычного зрения. В своих многотомных трактатах он привел много примеров того, как люди видели сквозь непрозрачные среды. Добрую половину этих примеров легко можно было отнести к области мифов, если бы в текущем году после открытия Рентгена не обратили внимание, что люди Рейхенбаха видели именно сквозь те непрозрачные среды, сквозь которые проходят рентгеновские лучи. Отрицать без исследования возможность того, что утверждает Рейхенбах, теперь уже не приходится. Мы думаем, что человек может и видеть, и делать несравненно больше того, что он видит и делает, необычайное зрение и необычайные силы являются для него теперь редким даром природы, но путем изучения самого себя и окружающей действительности он может по–степенно приобретать их и сам. В начале XVIII столетия электричество для жителей Европы было оккультической силой природы, в конце XX столетия те факты, над которыми теперь останавливаемся в раздумье мы, может быть перестанут быть загадкой даже для школьников.

Но в настоящее время все это еще очень темно и загадочно. Мы, кажется, только можем утверждать, что все эти явления исцелений, прозрения и др. естественны, и можем надеяться, что употребляемый для их исследования метод приведет к возможно–полному их разъяснению. В настоящее время эти чудесные дела гораздо более непонятны, чем те, которые их совершают. Шлаттер несравненно менее загадочен, чем его чудеса. Что он представляет собою? Он – не святой, каким его считает корреспондент «Московских Ведомостей», и не антихрист, за которого его провозгласили пермские раскольники,¹⁰ но он и необыкновенный человек. Мнимый или действительный дар физических исцелений всегда соединяется с некоторыми психическими особенностями в субъекте. Два свойства оказываются очень часто присущими им: необычайная кротость и необычайное упрямство. Если к ним присоединяются правильное религиозное воспитание или по крайней мере разум, все направляется ко благу. Но там, где нет двух последних благоприятных условий, дело редко

кончается добром. Кроткая настроенность этих людей побуждает их искать смысла жизни в религии, но их упрямство препятствует им довериться церковному авторитету. Они ищут истины сами, но так как их духовные силы далеко не пропорциональны их самомнению, то их мнимое смирение приводит на путь лжи и гибели. Из своего чтения Библии Шлаттер вынес лишь болезненно нервную веру в исцеляющую силу веры в небесного Отца. Древнее августиновское и лютеровское положение: «верую, следовательно, спасусь» он заменил вульгарным: «верую, следовательно, выздоровею». И эта вера, по его мнению, должна его спасти и от последствий неестественно продолжительного голодания и от последствий противоестественного обжорства. Лучистая ли нервная сила, внушения ли и самовнушения (последнее несомненно при пользовании перчаткой), во всяком случае нечто произвело то, что некоторые стали считать себя исцеленными Шлаттером, а толпа провозгласила его чудотворцем. Восторги и овации толпы подняли Шлаттера на такую высоту, на которой не могла не закружиться его слабая голова. Если он действительно имел дар исцелений, то этот дар оказался для него непосильным. Как тяжелая золотая ноша пригибает к земле ее владельца, так способность Шлаттера, которая должна бы была дать благо многим, послужила ему к его собственной гибели. Опьяненный своими успехами и славой он окончательно потерял рассудок и провозгласил себя Христом. После этого ему только и оставались больница или могила.

Шлаттер, как видно из описаний, уже давно старался внешним образом подражать Христу и кончил тем, чем часто кончают в таких случаях, отождествил себя с Христом. Его безумие, как и безумие Навуходносора, было естественным следствием само превозношения. Но для человечества оно опаснее, чем сумасшествие вавилонского царя. Въ кротком молчании Шлаттеров заключается много громкого протеста против существующих законов, против общественного строя, против церкви и государства, и за Шлаттерами, побросав свои дела, жен и детей, идут всегда горячие и нерассудительные люди уже без дара исцелений, но с обличениями и с большой способностью разрушать. Вот почему Писание и предостерегает нас строго против лжехристов и лжепророков.

Не доверяйте чудесам и знамениям, предостерегает нас Писание. Для блага слабого, немощного человечества, бессильного в борьбе с надвигающимся на него отовсюду злом мира, чудеса необходимы, и они совершаются силою Божьей и дар чудотворений подается святым Божьим.¹¹ Но разум человеческий слишком слаб, и он легко может принять естественное за чудесное и человеческое за Божественное. Вот

почему людям и указывается иной признак, по которому должно узнавать истинных учеников Христовых, у которых должно учиться и за которыми должно следовать. «О сем, понимает вси, говорит (И. Христось), яко Мои ученицы есте» (Ин. XIII, 35) «Что же, скажи мне, спрашивает Златоуст,¹² значит – о сем». О воскрешении ли мертвых, или очищении прокаженных, или изгнании бесов? Нет, говорит Он; и умалчивая о всем этом, присовокупляет: «о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги его собственных трудов. Потому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелой, все совершенной и полной добродетелью; равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства».

Таков завет великого отца православной церкви. Не увлекаться всяким ветром учения, не удивляться чудесному, как удивляются дети фокусам, должны мы, но мы должны возгревать в своем сердце веру и любовь и должны наиболее молить Отца Небесного не о том, чтобы были исцелены наши телесные немощи и недуги, но о том, чтобы были очищены и освящены наши сердца. Чистое сердце чистого человека есть большее чудо, чем тысяча исцелений неизлечимых болезней.

Примечания

- ¹ - «Новое Время» 27-го февраля (10 марта) 1896 г. № 7183.
- ² - Письмо из Америки и Шлаттере. В. 1896 г. № 83. Среда 27 Марта.
- ³ - № 9. 1896.
- ⁴ - Макбет. Действие IV, сцена 3-ья.
- ⁵ - О Грэтрэксе и Гасснере см. у Гилярова «Гипнотизм по учению Шарко и психологической школы», стр. 421–425.
- ⁶ - Подробности о Бернадетте см. в нашей статье «Религиозный дальтонизм в изящной литературе». Богослов. Вестн. 1894. № 12.
- ⁷ - Об этом случае см. у Гилярова *op. cit.* стр. 353–354.
- ⁸ - «Торговля» и «торговли» по-английски тождественно – «trade».
- ⁹ - Сущность открытия Рентгена заключается в следующем. Если через круцову трубку (запаянная стеклянная трубка грушевидной формы с крайне разреженным в ней воздухом, в противоположные концы трубки впаяны платиновые проволоки, к которым при пропускании тока присоединяют проволоки прибора) пропустить сильный электрический ток, то явится свет, направляющийся как бы от отрицательного полюса (катодный) к положительному. Рентген открыл, что в состав этого света входят лучи невидимые глазом и обладающие свойством проходить через картон, дерево, тело и многие другие обыкновенно непрозрачные среды, но не могущие проходить через кости, металлы и т. д. Первым практическим применением этого открытия было фотографирование костей в живом человеке. Если круцову трубку, через которую пропущен ток, покрыть плотным черным картоном так, чтобы в комнате, где она помещена, наступил совершенный мрак (другого источника света не должно быть), и если затем в этой комнате поставить светочувствительную фотографическую пластинку, то невидимые рентгеновские лучи окажут на нее свое действие и разложат состав, которым она покрыта, но если между этой пластинкой и прибором мы поставим человека, то рентгеновские лучи, проникнув сквозь него, разложат на пластинке состав, как и прежде, везде, но кроме тех мест, против которых пришлись кости человека. Вследствие этого кости и будут сфотографированы. Свойства рентгеновских лучей оказались и очень своеобразными (из чего следует, что они не тождественны с ультракрасными и ультрафиолетовыми лучами) и очень разнообразными, и в настоящее время открытие Рентгена, дополненное открытиями других,

получило несравненно более широкое применение.

¹⁰ - „Новое Время» (№ 7242, 28-го апреля (10 мая) 1896 года) говорит: «Пермские Ведомости сообщают из Югокиауфского завода, что помещенные в газетах статьи об «американском пророке» Франциске Шлаттере вызвали среди местного раскольничьего населения сильное волнение умов. Раскольники решили, что Шлаттер никто иной, как антихрист. Заключение свои они основывают на том, что он, как антихрист во Священном Писании, начинает борьбу заманиванием людей своим смиренным видом, чудесами и т. п. Кроме того появление антихриста в лице Шлаттера доказывают еще и тем, что назад тому 41 год с неба будто бы упала звезда с хвостом (комета), с появлением которой, как они говорить, по Священному же Писанию, и народится антихрист в конце 77-й седмины (Шлаттеру 41 год). Однако распространять свои умствования раскольникам препятствуют лица разъясняющие, что антихрист появится в Иерусалиме, а не в Америке. Таким образом местная чайная обратила на себя всеобщее внимание; чтобы послушать чтение о появлении антихриста, народ стекается со всех концов завода и даже из смежных селений». Должно заметить, что провинция вообще – не говоря уже о ее некультурных слоях – обнаружила чрезвычайно большой интерес и внимание к сообщениям о Шлаттере. Даже Губернские Ведомости посвящали ему свои фельетоны. В то же время, как в столицах публика массами устремлялась на лекции о «новом роде лучей», в обыкновенно – тихих гостиных, тихих уездных и губернских городов, под впечатлением статей о Шлаттере велись оживленные рассуждения и споры на тему «есть многое, друг Горацио, что и не снилось твоей учености».

¹¹ - О необходимости чудес для блага человечества см. нашу статью «Чудо и наука» (Богословский Вестник, 1893 г., № 6); о том, что с святостью и нравственным совершенством связывается дар чудотворений см. кн. Шаффа «Jesus Christus, als Wunder der Geschichte». Есть в русском переводе «Иисус Христос, как чудо истории».

¹² - Творения св. Иоанна Златоуста. Против Аномеев, стр. 484. Том 1 книга 2. 1895 г.

Содержание

С. С. Глаголев Больной целитель профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Примечания	28